

Т. Г. Никитина

<https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

✉ cambala2007@yandex.ru

Псковский государственный университет
(Россия, Псков)

ОБСЦЕНИЗМЫ В «ИГРОВOM ПОЛЕ» ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются две взаимодополняющие тенденции игровой репрезентации обсценизмов в современной живой разговорной речи и интернет-коммуникации: эвфемизация обсценизмов и обсценизация нормативной лексики. Анализируются модели эвфемизации и обсценизации, показаны закономерности их лексикографической интерпретации. Установлено, что в рамках первой тенденции реализуются традиционные способы образования эвфемизмов и новые приемы их создания в актах языковой игры: «включенная» омонимия, аллюзивное использование иноязычных заимствований и др. Особое внимание уделяется аббревиации как продуктивному способу эвфемизации. На материале двух последних десятилетий показана динамика эвфемистического обыгрывания наиболее частотных обсценизмов. Вторая тенденция — обсценизация нормативной лексики — иллюстрируется примерами игровых трансформаций нормативной лексики, приближающих ее звучание и написание к обсценизмам. За счет игровой эпентезы, метатезы, протезы, омофонического преобразования слов литературного языка в них появляются обсценные «псевдокорни». Этот же результат дают контаминация и слияние сочетаний слов. Материалы статьи могут быть использованы при разработке проблем лингвоэкологии и в лексикографической практике.

Ключевые слова: русский язык, живая разговорная речь, молодежный сленг, интернет-коммуникация, обсценизм, эвфемизм, языковая игра, аллюзия, контаминация, фонетическая мимикрия

Для цитирования: Никитина Т. Г. Обсценизмы в «игровом поле» живой разговорной речи и интернет-коммуникации // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 206–220.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 20 января 2025 г.

T. G. Nikitina

<https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

✉ cambala2007@yandex.ru

Pskov State University
(Russia, Pskov)

OBSCENE VOCABULARY IN THE “GAMING FIELD” OF LIVE COLLOQUIAL SPEECH AND INTERNET COMMUNICATION

Abstract. The article examines two complementary trends in the game employment of obscenities in modern live colloquial speech and Internet communication: euphemization of obscenities and obscenization of normative vocabulary. The models of euphemization and obscenization are analyzed, the patterns of their lexicographic interpretation are shown. It is determined that within the framework of the first trend, traditional ways of forming euphemisms and new techniques for their creation in language games are being implemented: “included” homonymy, allusive use of foreign language borrowings, etc. Special attention is paid to abbreviation as a productive way of euphemization. Based on linguistic material of the last two decades, the dynamics of euphemistic playing with the most frequent obscenities is shown. The second trend, the obscenization of normative vocabulary, is illustrated by examples of game transformations of normative vocabulary, bringing its sound and writing closer to obscenities. Due to game epenthesis, metathesis, prosthesis, homophonic transformation of words of the literary language, obscene “pseudo-roots” appear in such words. The same result is obtained by contamination and merging of combinations of words. Materials of the article can be used in the development of problems of linguoecology and in lexicographic practice by creation of dictionaries of obscenities and youth slang.

Keywords: Russian language, live colloquial speech, youth slang, Internet communication, obscenities, euphemisms, language game, allusion, contamination, phonetic mimicry

To cite this article: Nikitina, T. G. (2025). Obscene vocabulary in the “gaming field” of live colloquial speech and Internet communication. *Shagi / Steps*, 11(1), 206–220. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 20, 2025

Авторитетные высказывания о неискоренимости русского мата — лучшее обоснование актуальности темы нашего исследования: «Мат сильно распространен в русском народе. Причем в простом народе, особенно деревенском, он и не почитался за сквернословие» [Ковалев 2005: 184]; «Мат все активнее становится фактом нашей языковой культуры (если после этого можно говорить о таковой) и нашей речи» [Рут 2012: 61]; «Я уверен, что искоренить русский мат невозможно ни мягкими просветительскими мерами (то есть внедрением культуры в массы), ни жесткими законодательными» [Кронгауз 2008: 6].

Несмотря на то что табуированность данной категории слов в языках и речевых культурах повлекла за собой своего рода табу на их научное изучение [Шкапенко 2016: 68], обсценизмы-матизмы к началу XXI в. были основательно изучены в историко-этимологическом и этнокультурологическом плане (см. обзор таких исследований в [Жельвис 2001: 19–17; Ковалев 2005: 186–191]). Материалом исследования, представленного в данной статье, также стали обсценизмы данного типа.

В последние два десятилетия в рамках инвектологии, лингвоэкологии и юрислингвистики активно обсуждаются особенности функционирования обсценизмов в речевых актах оскорбления [Жельвис 2000; Брусенская, Куликова 2017; Янченкова 2019; Шаховский 2020; Доронина 2023], а многоаспектные исследования языковой игры на материале просторечия, художественного текста, рекламы и медиаматериалов [Санников 1999; Химик 2000; Голев 2005; Норман 2006; Хакимова 2012; Тепляшина 2020; Акинина 2023] так или иначе затрагивают проблемы неинвективного использования обсценизмов при реализации авторской установки на создание комического эффекта.

По наблюдениям Н. Д. Голева, нет ни одного русского обсценного слова, которое бы не испытывалось на возможность его включения в игровой план. И наоборот, трудно найти игровой прием, который не прошел бы испытания на «обсценном полигоне» [Голев 2005: 197]. Анализ языкового материала «народной игротеки» дает основания говорить о сложившихся традициях и моделях обыгрывания обсценизмов-матизмов в «лингвистическом», как его называет Н. Д. Голев, или же лингвоцентрическом, понимаемом широко фольклоре — поговорках, анекдотах, палиндромах, омонимически и паронимически аттрактированных синтагмах, игровых дериватах и т. п., основная цель создания которых — балагурство, ерничество, речевое озорство, а реализуемая ими фатическая функция не предполагает ничего, кроме игры [Там же: 198]. Подборки таких текстов в настоящее время широко представлены на развлекательных интернет-сайтах под названиями «Прикольные пословицы с матом», «Смешные и пошлые афоризмы с матом», «Матерные пословицы и поговорки с юмором», «Веселый мат» и т. п. Нас же будут интересовать игровые приемы использования обсценизмов непосредственно в актах живой речевой и онлайн-коммуникации, понимаемой как информационное взаимодействие членов языкового сообщества.

По нашим наблюдениям, в современном игровом коммуникационном пространстве развиваются две тенденции репрезентации обсценизмов-матизмов: близкая к эвфемии их «маскировка» и прямо противоположная по своей сути экспликация обсценности посредством трансформации нейтральных лексических и фразеологических единиц.

Под эвфемизацией, как известно, понимается процесс замены табуированных наименований более приемлемыми языковыми единицами, соответствующими этическим и эстетическим нормам данного этнокультурного социума. Отнесение к табуированной лексике обсценизмов-матизмов в силу их активного функционирования в современной речи уже вызывает риторические вопросы типа «что же это за табу такое, если все его регулярно нарушают!» Но дело в том, комментирует ситуацию М. А. Кронгауз, что речь идет «не об абсолютном и тотальном запрете, а о системе культурных правил, регулирующих употребление мата и меняющихся со временем» [Кронгауз 2008: 110–111].

Так со временем и появляется альтернатива эвфемизмам — возможность, минуя дисфемизацию, выйти за рамки табу в формате игровой реализации обсценной лексики. Игра, как отмечает Н. Д. Голев, всегда предполагает некую оппозицию нормативности, ее разрушение и создание на этой основе второго (эстетико-игрового) плана содержания [Голев 2005: 195]. Игровое «эвфемистическое» кодирование обсценизмов в этом смысле относительно. Например, эвфемизмы *фиг*, *хрен*, *блин*, заменяющие в просторечии матерную брань, несмотря на их игровое начало, квалифицируются толковыми словарями как грубые, сниженные, а слишком прозрачный намек на обсценизм (например, *полный писец*) выводит слово из разряда эвфемизмов в непристойность [Жельвис 2000: 199].

Тем не менее именно такой принцип игровой реализации обсценизмов-матизмов особенно характерен сейчас для разговорной молодежной речи и интернет-коммуникации. О любопытном отношении к мату в интернете пишет М. А. Кронгауз: «Здесь вроде бы отсутствует цензура, все дозволено и мат должен процветать, но тем ценнее возникновение спонтанных культурных запретов, иногда очень аккуратно и корректно сформулированных» [Кронгауз 2008: 111] и, добавим, стимулирующих лингвокреативную деятельность пользователей при обращении к материалу обсценизмов.

«Игра на гранях языка» литературного и субстандартной лексики продолжается сегодня по тем же правилам, которые вывел Б. Ю. Норман. Вот одно из них: когда игра от простого балагурства переходит на содержательный уровень, «на слово наводятся дополнительные смысловые ассоциации, за ним как бы встает другое слово, со своим значением» [Норман 2006: 102]. Это достигается за счет трансформации, которую определяют как намеренную омонимизацию [Маринова 2008: 109], фонетическую мимирию [Шарифуллин 1997: 49], паронимическую (точнее, паронимастическую) аттракцию [Голев 2005: 203]. Такой механизм эвфемизации

наблюдаем в случае с обценным корнем *n[...]*¹, который традиционно заменяется в народной речи созвучным *звезд-*, ср. в «Словаре русской бранной лексики» В. М. Мокиенко:

ДАТЬ (ВСТАВИТЬ) ЗВЕЗДЮЛЕЙ кому. Грубо-прост. Эвфем.

1. Побить, поколотить кого-л. 2. Отругать, выругать кого-л.
3. Наказать кого-л. [Мокиенко 1995: 36];

в молодежной речи:

Звездáтая, -ой, ж., пренебр. [Никитина 2013: 219] (в тематической группе «Проститутка»).

Звездéть, -дйт, несов. Не звезды! Кончай звездеть, я тебя насквозь вижу! [Никитина 2013: 356] (в синонимическом ряду «Обманывать/обмануть кого-л., лгать/солгать кому-л.»).

Нельзя не согласиться с Н. Д. Голевым, что обценнизм в подобных случаях «проходит» в восприятии ассоциативно, слышится как бы «фоново» (хотя нередко, впрочем, нарочито настойчиво) [Голев 2005: 203], в том числе при обыгрывании обценнизмов-заимствований. На примере корня *fuck-* покажем прием омонимической аттракции при шутливой, отсылающей к обценнизму сленговой номинации:

Фáкел, -а, м., шутол. Кино показывали, там одна баба по факелу насильника опознала из десяти мужиков [Никитина 2013: 600] (в тематической группе «Пенис»).

Фáкел разгорéлся. Стали невинно танцевать, и тут у меня факел разгорелся. Ну, я её трахнул, о чём и не жалею [Никитина 2013: 246] (в синонимическом ряду «Испытывать/испытать эрекцию». Ср.: *факать* ‘совершать половой акт’, от англ. *to fuck*).

ФАКИР, -а, м. Мол. Шутол. Эвфем. Половой партнер. Я молодой, 1998, № 6 < Ср.: *факать* — ‘совершать половой акт’, от англ. *to fuck* [Мокиенко, Никитина 2000: 619].

Послáть по фáксу кого, бран.-шутл. Да пошли ты его по факсу, ишь чего захотел! [Никитина 2013: 367] (в синонимическом ряду «Ругаться, выругаться матом». Ср.: *факать* ‘совершать половой акт’, от англ. *to fuck*).

Широкий диапазон приемов прозрачной эвфемизации обценнизмов представляют примеры эвфемизмов-табуизмов с корнем *e[.]*-. Языковая игра строится здесь на «включенной» омонимии: обценнизм или его словоформа совпадают по звучанию и графическому оформлению с частью нормативного слова: *колебáть* (‘совершать половой акт с кем-л.’ [Моки-

¹ В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

енко 1995: 41]), *небоскрёб твою мать* — выражение досады, раздражения [Шуплов 1998: 85]. Ср. также: *гребля, гребёт*: «Затарился резиной, пошел на греблю» (запись 2018 г.); «Меня это вообще не гребёт» — ‘не волнует, не беспокоит’ (запись 2022 г.).

Звуковое сходство позволяет использовать в качестве аллюзивного эвфемизма иноязычные заимствования разных лет: «Эбонит ты её завтра же, чего тянуть» (запись 2019 г.); «Закрой эбало, чтоб не поддувало!» (запись 2023 г.), в том числе в речи медиков: «Ты эболо свое закрой!» (запись 2016 г.), ср. *лихорадка Эбола*.

Звуковые трансформации корня приводят к созданию новых глаголов по модели разговорных *выделываться, выпендриваться*:

Выёживаться, -аюсь, -ается, несов. Ни культуры, блин, ни ума, а выёживаться он тут будет, в натуре [Никитина 2013: 432]; **Выгрёбываться** [Там же] (в синонимическом ряду «Важничать, зазнаваться/зазнаться»).

В последние годы все чаще фиксируются звуковые трансформации, не предполагающие омонимической двуплановости. Так, вместо привычного *зашибись*, в котором «зашифрован» обсценизм с рассматриваемым корнем, в речи молодежи появляется аллитерированное *забибись*: «Поехала машинка — забибись просто!» (ИК², 2021 г.); «Забибись, порадовал!» (ИК, 2021 г.). Системными приемами «шифрования» становится замена звонких согласных парными глухими в речи и соответствующими буквами на письме, отражение по фонетическому принципу качественной редукции гласных и ассимиляции согласных по способу образования: *ипацца* ‘совершать половой акт’, слитное написание фонетических слов, включающих предлоги, частицы, объединенные ударением со знаменательным словом: *ниипёт* ‘чье-либо мнение меня не волнует’: «Ну что, ипацца? Или ещё выпьем?» (запись 2022 г.); «Смотрю, а они ипуццо!» (ИК, 2020 г.); «Мое кунфу круче твоего кунфу и ниипёт!» (ИК, 2019 г.); «А я хомяк, и ниипёт» (запись 2023 г.).

На примере еще одного популярного обсценизма-матизма проследим другие продуктивные в современной молодежной речи способы игровой репрезентации табуированных наименований:

- использование соседних букв на клавиатуре при наборе слова: «Дебилы, юлядь, деньги печатаются за наши деньги» (ИК, 2022 г.); «Почему меня никакая юлядь не френдит?» (ИК, 2022 г.);

- макароническая трансформация, подгонка слов родного языка под иностранные, о чем Б. Ю. Норман пишет как о продолжении традиций русской литературы [Норман 2006: 96]; ср. в молодежной коммуникации на фонетическом уровне: «Так, блэт, где ты шас?» (ИК, 2019 г.); «Блэд! Опять баллы сняли с группы из-за вас!» (запись 2023 г.).

²ИК (интернет-коммуникация) — таким образом помечены материалы, отобранные с открытых интернет-форумов, чатов, социальных сетей. Орфография и пунктуация источника сохраняются.

Динамику в сфере способов обыгрывания эвфемизма покажем на примере слова *писец*, уже упоминавшегося выше как «непристойность». Приведем лексикографическую фиксацию 2000 г.:

ПИСЕЦ; ПЕСЕЦ. *Вульг., неодобр.* 1. неизм., *м. Жрр.* Конец, крах; неудача. ♦ **Полный писец.** То же. < Эвфем. от неценз. 2. *в знач. междом. Жрр.* Выражение досады, раздражения. 3. -сцá, *м. Угол.*, *арест.* Осведомитель, доносчик. 4. -сцá, *м. Угол.* Работник милиции [Мокиенко, Никитина 2000: 437].

В конце прошлого и начале нынешнего века словарями отмечены звуковые трансформации ассоциативного характера и использование трансформов в первых двух значениях: *кабздец*, *звиздец* [Елистратов 1994: 182; Химик 2004: 232–233]. В профессионально ориентированном студенческом сленге зафиксировано образование по модели:

АНЕСТЕЗЕЦ, чаще в форме И. п. и В. п., шутил. Студ. (мед.). Меня на анестезец поставили, а мы это вообще не проходили (Запись 2001 г.). ♦ **Полный анестезец.** *О чём-л. впечатляющем, шокирующем.* Ботинки — полный анестезец! (Запись 2001 г.). < Эвфем. от неценз. [Никитина 2003: 22–23].

Затем в сферу игровой эвфемизации вовлекаются менее созвучные с оригиналом, чем упоминавшееся выше *писец*, но не менее ценные в плане создания игрового омонимического эффекта слова — *пинцет*: «Полный пинцет!» [Никитина 2013: 618]; *багрец*: «Ну всё, багрец, няня!» (ИК, 2019 г.); «Ну все, багрец! Багрец уж полный» (ИК, 2020 г.). В двух последних примерах очевидна аллюзия: «...в багрец и в золото одетые леса» (А. С. Пушкин. Осень). В других случаях срабатывают механизмы аллитерации — *пипец*: «Передай эту шляпу десяти друзьям или тебе пипец!» (ИК, 2018 г.), включается субституция парных звонких/глухих согласных — *пистец*: «Пистец! Этот идиот опять спалился!» (ИК, 2022 г.). Макаронические трансформации направляют ассоциации собеседника к итальянскому и китайскому языкам: «Пипеццио! Что я теперь ему скажу?» (запись 2020 г.); «Полное пипяо твои сырники» (запись 2023 г.). А материалы сайтов стихийной лексикографии позволяют констатировать осведомленность носителей сленга в вопросах эвфемизации общечеловеческих и осознание ими динамических процессов в данной сфере:

Пипяо

Слово придумано, чтобы можно было не использовать подцензурный «п.ц». Конечно, у него есть более приличные варианты, сильно похожие на «капец». Но это для олдов (представителей старшего поколения. — Т. Н.). Вот «пипяо» — куда более непонятно со стороны. *Этот молодежный сленг — полный пипяо!* [Чикипибарум 2022].

Прогрессирующей тенденцией является «маскировка» матизмов, и в частности рассматриваемой нами лексической единицы, под буквенные аббревиатуры *ПЗЦ*, *ППЦ*, читаемые как [пэ-зэ-цэ], [пэ-пэ-цэ].

Аббревиация устойчивых словосочетаний и фраз, включающих обсценизмы, осуществляется по моделям, среди которых выделим классические инициальные аббревиатуры с использованием звуко- и буквосимволизма, которые Н. Д. Голев [2005: 206] называет особыми символами табуистичности: например, символ «П» (< *пипец*, *писец* и т. п.) в переосмысленной армейской аббревиатуре *ПХД* (парково-хозяйственный день, когда выполняются работы по уборке помещений и благоустройству территории части), ср. в молодежной речи: «Зачёт на завтра перенесли. ПХД, короче» (запись 2022 г.); «ПХД? Очень просто расшифровывается — кранты хорошему дню, ну, сами понимаете» (запись 2023 г.).

Этот способ эвфемизации обсценизмов особенно активен при аббревиационном оформлении оборотов, включающих наименование мужского полового органа, которое заменяет звуко-символ, на письме передаваемый буквой Х: *ХЗ* [хэ-зэ], *ХЗЧ* [хэ-зэ-че] *ПНХ* [пэ-нэ-хэ] и др. Приведем контексты употребления, «расшифровки» и толкования таких аббревиатур, полученные в ходе анкетирования студентов Псковского государственного университета: «— Куда он рванул? — А ХЗ ваше... Ничего не сказал. ХЗ это когда неизвестно что-то, типа х... знает» (запись 2023 г.); «Это ХЗЧ — без предупреждения пары меняют. ХЗЧ — говорим, когда что-то бесит: хэ знает что!» (запись 2023 г.); «ПНХ, не хочу с тобой разговаривать. Ну, чтобы не говорить: “Пошел на... три буквы”» (запись 2023 г.).

Сленговые сокращения обсценных наречий (включая предикативные) или наречных сочетаний (в этом случае нужно говорить о комплексной реализации таких способов образования, как слияние и усечение) могут быть следующим образом представлены лексикографически:

НАХ, нареч. Мол. Эвфем. Зачем, для чего. *Нах он туда поперся? Сидел бы спокойно на изо* (на изоляции) (запись 2020 г.). *Нах мне это надо? Пусть сами с этой анкетой долбаются* (запись 2023 г.) < От обсценизма.

ПОХ, предик. нареч., кому что. Мол. Эвфем. Абсолютно все равно, не волнует, не интересует кого-л. *Я забил, мне пох* (ИК, 2022 г.). *Я заболела, а ему пох, даже бы позвонил ни разу* (запись 2023 г.) < От обсценизма.

Развитое лингвокреативное мышление позволяет носителям сленга реализовывать данную модель эвфемизации на двух уровнях — собственно словообразовательном ⁽¹⁾, который был рассмотрен выше, и словообразовательно-игровом ⁽²⁾:

ЗАХ¹, нареч. Мол. Зачем. *Зах мы сюда приперлись? Лучшие бы отоспались и дома пожрали* (запись 2023 г.). < От обсценизма.

ЗАХ², -а, м. Мол. Шутл. Имя Захар, человек, по имени Захар. *Твой Зах снова с Юлькой переписнулся* (вступил в переписку, обменялся сообщениями) (запись 2022 г.). < Трансформация по созвучию с *зах* — сленг. ‘зачем’ (от obscenизма).

Классические образцы слияния как способа словообразования проиллюстрируем материалом словосочетаний, состоящих из таких же эллиптированных obscenизмов. Объединение в одно слово уже подвергшихся зашифровке единиц также представляет собой двухуровневую эвфемизацию, которая должна, по идее номинаторов, окончательно снять табу на употребление бывших obscenных оборотов в функции обращения: «Эй-тыб[..]нах! Иди-ка сюда» (запись 2023 г.), при выражении отвращения, пренебрежения: «Фуб[..]нах, фу, какая гадость!» (ИК, 2021 г.), удивления: «Шозанах тут стрёсса?» (ИК, 2022 г.) или отказа (здесь — с дополнительным средством «маскировки» — сдвигом фразового ударения): «Чё, меня хочешь? АвОтх[..] тебе!» (ИК, 2021 г.).

Отметим, что этим же способом образовано давно известное и широко употребляемое в просторечии вопросительное местоимение *хули* ‘зачем, к чему’: «Ладно, хули здесь сидеть, пойдем куда-нибудь» [Химик 2004: 696]. Мы же обратим внимание на его современную модификацию с использованием метатезы: «Я всё это сделал, а йух-ли толку?» (ИК, 2020 г.); «Йух-ли ты, овца тухлодыра, машину пинаешь!» (ИК, 2022 г.).

Йух — один из самых прозрачных среди 390 зафиксированных нами эвфемизмов, используемых для обозначения мужского полового органа [Никитина 2013: 593–604]. Активное функционирование в современной молодежной речи этого продукта метатезы способствовало его включению и во вторичное обыгрывание, на этот раз на базе омонимического сближения: «Съездил в отпуск на йух» (ИК, 2023 г.); «Осенью птицы улетают на йух» (запись 2024 г.).

Возвращаясь к метатезе, покажем ее реализацию на фразеологическом уровне в сочетании с небольшой звуковой трансформацией:

Пó уху кому что [Никитина 2013: 687] (в синонимическом ряду «Безразлично, все равно»).

Еще один способ игрового фразеоморфизма с омонимическим эффектом заключается в разложении слова на части, совпадающие по форме с компонентами какого-либо словосочетания или фразы [Норман 2006: 89]. Это, как отмечает Н. Д. Голев, «один из любимых стимулов для создания игровых метатекстов с участием obscenной лексики. Часть последних, несомненно, “услышана” носителями языка в обычной речи, другая (большая) часть — специально созданные синтагмы, в которые нарочито встраивается неприличная лексика и фразеология: <...> *Ах, у дуба, ах, у ели; Уху ели?*» [Голев 2005: 199–200]. О популярности последнего выражения свидетельствуют десятки его употреблений в современной интернет-коммуникации — на платформе Livejournal.com: «Москвичи уху ели! Правительство Москвы уничтожает Мневниковскую пойму» (ИК, 2018 г.); на сайте «Стихи.ру»: «От щедрот таких все просто уху ели» (ИК, 2021 г.) и т. п.

Среди новых наращивающих фразеомообразовательную продуктивность образных стержней отметим эвфемизм *хурма*, синонимичный популярному в народе *хня*, но более точно в ритмическом плане представляющий обсценный оригинал. В разработке для обновленного словаря русского жаргона этот материал мог бы выглядеть следующим образом:

ХУРМА́, -ы́, ж. Мол. Неодобр. Эвфем. 1. Ерунда, чушь. *Что за хурма по телеку? Это ж откровенная деза* (Запись 2020 г.) ** *Нестити хурму*. Говорить ерунду, дезинформировать кого-л. *Да она какую-то хурму несет, надо все в интернете проверять* (Запись 2022 г.). 2. Что-то нелепое, непонятное. *Это что за хурма? Кто такой режим придумал?* (Запись 2023 г.). ** *По хурме кому что*. Абсолютно безразлично, все равно. *Я говорю, а ему по хурме. Это мне надо?* (Запись 2021 г.) ** *За всю хурму*. Интенсивно, с полной отдачей, от всей души. — *Я считаю, что футбол это искусство. Его не надо смотреть под пиво с чипсами.* — *Правильно, надо накидаться «до», а во время уже шизить за всю хурму* (ИК, 2022 г.). < *Хурма* здесь: трансформация обсценизма.

Параллельно с процессами этой прозрачной эвфемизации обсценизмов-матизмов активизируется и открытое их употребление. В оправдание такого пристрастия к мату носителей русского языка обычно приводят известное высказывание Ю. М. Лотмана: «Замысловатый, отборный мат — одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» [Лотман 1995: 14]. «От частоты, а главное, безграничности употребления, — пишет М. А. Кронгауз, — непристойность как бы стирается». Снятие в русской культуре табу с «горячих тем», связанных с полом и сексом, приводит к тому, что обсценизмы, как и в европейской традиции, все чаще используются в буквальном смысле [Кронгауз 2008: 110].

Уровень обсценизации современной речи повышается и за счет игровых формальных трансформаций нормативной лексики, приближающих ее звучание и написание к обсценизмам.

Так, «псевдокорень» *е[.]*- создается игровой эпентезой — вставкой *Б* после *Е* в начале слова: *естественно* → *е[.]стественно*; *естествознание* → *е[.]стествознание*. Таким же образом трансформируются имена собственные *Елена*, *Елисеев*, *Елец* и др. В эту игру вовлекается и иноязычный материал: *yesterday* → *естудэй* → *е[.]студэй* (в данном случае речь идет уже о формально-семантическом преобразовании — трансформ употребляется как междометное выражение удивления): «*Е[.]студэй! Да что ты говоришь!*» (ИК, 2022 г.).

Метатеза (*б* ↔ *е*; *б* ↔ *и*) «обсценирует» слова с инициальной частью *бел-* и *бил-*: *беляш*, *билет*. В школьной среде таким способом образуются прозвища от фамилий *Белов*, *Беляков*.

Протетическое *е-* в словах с начальным *ба-*, *би-*, *бу-* образует этот же «псевдокорень»: [.]баба, [.]бундестаг, [.]банк (использование этого трансформы в рекламных целях для привлечения внимания клиентов фиксирует Е. М. Хакимова [2012: 88]). Дополнительный оттенок значения наблюдаем при употреблении следующего трансформы (речь идет о квартире для интимных встреч): «Ну что, выдвигаемся на [.]базу?» (запись 2023 г.). Для усиления негативной оценочности высказывания говорящие используют игровые трансформы слов *балл*, *бить*: «Получил два [.]балла» (запись 2023 г.); «Кончай [.]бить баклуши» (запись 2021 г.). Прямо противоположной оценочностью характеризуются фразы с трансформированными по данной модели деминутивами: «Чудненькие [.]бусики. Агат?» (запись 2018 г.); «Давай чаю и [.]булочки с джемом» (запись 2022 г.).

Трансформируется и финальная часть слов на *-оба*, *-ѐ[.]а* (при этом просматривается двойная обценная «мотивация» — сходство с рассмотренным выше корнем и не менее популярным обценением, начинающимся на *бл-*: «Как мне надоела эта уче[.]ля!!!» (ИК, 2020 г.); «Пока заселился к бабке в хрущоблю» (запись 2019 г.).

Этот же маркер обценности, завершающий трансформированное слово или фразу, также повышает уровень экспрессии и подчеркивает аксиологическую направленность сказанного, что подтверждают контексты в подготовленной по новым материалам статье для словаря русского жаргона:

ОМАЙГАДБЛ (О МАЙ ГАДБЛ), неизм., в знач. междом. Мол. Неодобр. Выражение неприятного удивления, раздражения, негодования. *Омайгадбл, Данила, ты что, крейзи?* (ИК, 2019 г.). *Оу май гадбл, чем дальше, тем страшнее* (ИК, 2020 г.). *Вместо «О Май Гадбл» мы часто говорим «Я в шоке»* (ИК, 2022 г.). < От англ. *Oh, my God!* — О Боже мой! + фрагмент обценения.

Ср. по этой же модели: «Жмотбл» (ИК, 2015 г.); «Ну, ты гадбл!» (запись 2023 г.).

Еще одна модель игрового включения обценно ориентированных ассоциаций с данным корнем представлена Н. Д. Голевым на примере трансформы *об[.]денеть* ← *обледенеть* [Голев 2005: 210]. Такому омофоническому преобразованию слова (при функционировании в письменной форме), по нашим наблюдениям, подвергаются и слова с корнем *блед-*: *б[...]неть, поб[...]неть*.

Самой продуктивной моделью игровой обценения нормативной лексики с полным основанием можно признать контаминацию известного слова из трех букв (первый компонент контамината) с любым словом, начинающимся с *Я* [já]: [.]Ящик, [.]Яблоко, [.]Яма и т. п. Такой обработке подвергаются и имена собственные: *Яна, Ярик, Яша* (прозвище от фамилии *Яшин*) и др.: «Надыбай реферат по теме в [.]яндексе!» (запись 2023 г.)

Слияние сочетаний слов как игровой прием используется не только при эвфемизации матизмов, но и при реализации тенденции к обценению нормативной лексики, ср. например, слияние междометия *ах* и слов

с инициальным звуковым комплексом -уй-: «Ах[..]митесь! В вашем положении впору подумать о вечном» (ИК, 2019 г.); «— Я тебе звонила, почему ты не брал трубку, сука?! — Ах[..]ймись, тварь! Я просто был в ванной» (ИК, 2020 г.); «Ах[..]ди из моей жизни форэвэр!» (запись 2023 г.)

Итак, наш материал позволяет заключить, что в современной живой разговорной речи и интернет-коммуникации успешно реализуются две взаимодополняющие игровые стратегии использования обсценной лексики: эвфемизация обсценизмов-матизмов, смягчающая инвективу за счет создающегося комического эффекта, и шутивная обсценизация нормативной лексики, приводящая к экспрессивизации и эмоционализации речи, что, как отмечает В. И. Шаховский, является характерной чертой «меняющейся коммуникации в меняющемся мире» [Шаховский 2020: 220].

Наряду с традиционными фольклорными моделями обыгрывания эвфемизмов (омонимическая и паронимическая аттракция, слияния, аббревиация) в современной речи отмечено активное вовлечение в такую игру иноязычного материала, расширение ассоциативного диапазона при подборе созвучий, новые основания субституции звуков, приемы повторного кодирования эвфемизмов-табуизмов и др.

Несмотря на то что и прямое употребление обсценизмов в настоящее время не снижается, не стоит, на что указывает и М. А. Кронгауз [2008: 111], искать в русском мате национальную идею, а вот уделить больше внимания исследованию национально-специфических приемов языковой игры с обсценным материалом и лексикографированию полученного игрового продукта было бы весьма ценным в плане развития отечественной «лингвоигрологии» и «обсценографии».

Источники

Чикипибарум 2022 — Чикипибарум — что это значит простыми словами // Бизнес портал. 2022. 22 июля. URL: <https://nspk-nvr.ru/bussines/chikipibarum-chto-eto-znachit-prostymi-slovami>.

Словари

Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского аргота. М.: Рус. словари, 1994.

Мокиенко 1995 — *Мокиенко В. М.* Словарь русской бранной лексики: Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1995.

Мокиенко, Никитина 2000 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.

Никитина 2003 — *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Никитина 2009 — *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: АСТ; Астрель, 2009.

- Никитина 2013 — *Никитина Т. Г.* Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
- Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
- Щуплов 1998 — *Щуплов А. Н.* Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М.: Колокол-пресс, 1998.

Литература

- Акинина 2023 — *Акинина А. В.* Неприличная форма коммерческих наименований // Юрислингвистика. № 27. 2023. С. 88–93. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2716](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2716).
- Брусенская, Куликова 2017 — *Брусенская Л. А., Куликова Э. Г.* Квалификация оскорбления в контексте правовой культуры // Правовая культура. 2017. № 4. С. 43–50.
- Голев 2005 — *Голев Н. Д.* Обценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 185–223.
- Доронина 2023 — *Доронина С. В.* Неприличные высказывания: право, лингвистика, экспертная практика // Юрислингвистика. № 28. 2023. С. 111–117. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2818](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2818).
- Жельвис 2000 — *Жельвис В. И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2000. С. 195–206.
- Жельвис 2001 — *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001.
- Ковалев 2005 — *Ковалев Г. Ф.* Русский мат — следствие уничтожения табу // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: Сб. ст. / Отв. ред. В. Т. Титов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. С. 184–197.
- Кронгауз 2008 — *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* Не-мемуары // Лотмановский сборник. [Вып.] 1 / [Ред.-сост. Е. В. Пермяков]. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 5–53.
- Маринова 2008 — *Маринова Е. В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.
- Норман 2006 — *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006.
- Рут 2012 — *Рут М. Э.* О великом русском языке и мате // Филологический класс. 2012. № 2. С. 61–65.
- Санников 1999 — *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Тепляшина 2020 — *Тепляшина А. Н.* Языковая личность журналиста оппозиционной газеты: тактики эвфемизации дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 127–151. URL: <http://tverlingua.ru>.
- Хакимова 2012 — *Хакимова Е. М.* Лексический субстандарт в функциональном аспекте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 25. 2012. С. 86–92.
- Химик 2000 — *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.

- Шарифуллин 1997 — *Шарифуллин Б. Я.* «Свое» и «чужое» в русском экспрессивном фонде // *Русская речь.* 1997. № 6. С. 47–51.
- Шаховский 2020 — *Шаховский В. И.* Экология языка и человека в меняющемся мире // *Неофилология.* Т. 6. № 22. 2020. С. 217–225. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225>.
- Шкапенко 2016 — *Шкапенко Т. М.* Обсценная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева.* 2016. Т. 2. № 4. С. 68–72.
- Янченкова 2019 — *Янченкова И. С.* Формы и способы выражения речевого оскорбления // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* 2019. № 2. С. 46–50.

References

- Akinina, A. V. (2023). Neprilichnaia forma kommercheskikh naimenovanii [Indecent form of trade names]. *Iurisl'ingvistika*, 27, 88–93. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2716](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2716). (In Russian).
- Brusenskaja, L. A. & Kulikova, E. G. (2017). Kvalifikatsiia oskorbleniia v kontekste pravovoi kul'tury [Qualification of an insult in the context of legal culture]. *Pravovaia kul'tura*, 2017(4), 43–50. (In Russian).
- Doronina, S. V. (2023). Neprilichnye vyskazyvaniia: pravo, lingvistika, ekspertnaia praktika [Indecent utterance in law, linguistics and forensic examinations]. *Iurisl'ingvistika*, 28, 111–117. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2818](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2818). (In Russian).
- Golev, N. D. (2005). Obsennaia leksika v igrovom aspekte (na materiale russkogo lingvisticheskogo fol'klora) [Obscene vocabulary in the gaming aspect (based on the material of Russian linguistic folklore)]. In N. D. Golev (Ed.). *Iurisl'ingvistika-6: Invektivnoe i manipuliativnoe funktsionirovanie iazyka: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 185–223). Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian).
- Khakimova, E. M. (2012). Leksicheskii substandart v funktsional'nom aspekte [Lexical substandard in the functional aspect]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 25, 86–92. (In Russian).
- Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [The poetics of the low, or colloquial speech as a cultural phenomenon]. Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Kovalev, G. F. (2005). Russkii mat — sledstvie nichtozheniia tabu [Russian obscene vocabulary is a consequence of the destruction of taboos]. In V. T. Titov (Ed.). *Kul'turnye tabu i ikh vliianie na rezul'tat kommunikatsii* (pp. 184–197). Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2008). *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).
- Lotman, Iu. M. (1995). Ne-memuari [Not a memoir]. In E. V. Permiakov (Ed.). *Lotmanovskii sbornik* (Vol. 1, pp. 5–53). ITs-Garant. (In Russian).
- Marinova, E. V. (2008). *Inoiazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniia i funktsionirovaniia* [Foreign language words in Russian speech of the late 20th — early 21st century: problems of development and functioning]. ELPIS. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2006). *Igra na graniakh iazyka* [Playing at the edges of language]. Flinta; Nauka. (In Russian).
- Ruth, M. E. (2012). O velikom russkom iazyke i mate [About great Russian language and four-letter words]. *Filologicheskii klass*, 2012(2), 61–65. (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (1999). *Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

- Shakhovskiy, V. I. (2020). Ekologiya iazyka i cheloveka v meniaiushchemsia mire [Language and human ecology in the changing society]. *Neofilologiya*, 6(22), 217–225. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225>. (In Russian).
- Sharifullin, B. Ia. (1997). “Svoe” i “chuzhoe” v russkom ekspressivnom fonde [“Own” and “borrowed” in the Russian expressive language fund]. *Russkaia rech'*, 1997(6), 47–51. (In Russian).
- Shkapenko, T. M. (2016). Obsennaia leksika: o kognitivnykh mekhanizмах tabuizatsii slov [Obscene lexicon: about cognitive mechanisms of words tabooization]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, 2(4), 68–72. (In Russian).
- Tepliyashina, A. N. (2020). Iazykovaia lichnost' zhurnalista oppozitsionnoi gazety: taktiki evfemizatsii diskursa [Linguistic persona of a journalist of an opposition newspaper: tactics of euphemization of discourse]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2020(2), 127–151. <http://tverlingua.ru>. (In Russian).
- Yanchenkova, I. S. (2019). Formy i sposoby vyrazheniia rechevogo oskorbleniia [Forms and ways of expressing the speech act of insult]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2019(2), 46–50. (In Russian).
- Zhel'vis, V. I. (2000). Slovo i delo: iuridicheskii aspekt skvernosloviia [Word and deed: the legal aspect of profanity]. In N. D. Golev (Ed.). *Iurislíngvistika-2: Russkii iazyk v ego estvennom i iuridicheskom bytii: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 195–206). Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian).
- Zhel'vis, V. I. (2001). *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema v iazykakh i kul'turakh mira* [A field of abuse: Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world] (2nd ed., rev. and enl.). Nauchno-izdatel'skii tsentr “Ladomir”. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the author

Татьяна Геннадьевна Никитина

доктор филологических наук
профессор, кафедра образовательных
технологий, Псковский
государственный университет,
Россия, 180000, Псков, пл. Ленина, д. 2
✉ cambala2007@yandex.ru

Tatiana Gennadievna Nikitina

Dr. Sci. (Philology)
Professor, Department of Educational
Technologies, Pskov State University
Russia, 180000, Pskov, Lenin Sq., 2
✉ cambala2007@yandex.ru